

2001 год

Среда, 19 декабря, 10:00

Едва Альсада добрался до участка, как начался дождь. И не просто дождь, а непрерывная, почти неосязаемая изморось, пробирающая до костей. Инспектор зашел внутрь. Бывшая приемная с полированным столом красного дерева и симпатичной секретаршей, которая зачесывала волосы на манер Эвиты, пала жертвой экономической рецессии, заставившей Федеральную полицию Аргентины урезать расходы. Верхние этажи пришлось сдать модному иностранному рекламному агентству, а приемную переделать в опен-спейс, в котором сидели теперь молодые полицейские вроде Эстратико. Тесное помещение, выкрашенное в сомнительный горчичный цвет, плотно, как в *тетрисе*, заполняли фанерные столы, неудобные шаткие стулья, темпераментная кофемашина и главная достопримечательность участка — знакомый каждому возмутителю спокойствия в районе Монсеррат зеленый диван. Его обивка из искусственного бархата одинаково радушно встречала и полицейских в штатском, и задержанных, ожидающих оформления, оделяя всех без разбору застарелым запахом табака и кофе. За тридцать лет службы он почти выцвел и покрылся желтоватыми проплешинами, как травяная лужайка под конец засушливого лета.

Сегодня — как и почти каждое утро — на нем восседала Долорес, в очередной раз потревожившая покой respectableного района. Было ей тридцать семь, выглядела она лет на десять старше, но до сих пор не могла взять в толк, отчего клиенты, уверявшие ее во время частных свиданий в своей безграничной любви, при следующей встрече делали вид, будто и вовсе с ней незнакомы, особенно во время воскресной прогулки с семьей. «С другой семьей», настаивала она. Ее логика забавляла инспектора Альсаду.

— Доброе утро, Долорес.

— Доброе утро, инспектор. — Похоже, Долорес провела эту ночь на диване. Она куталась в одеяло, вокруг глаз размазались пятна подводки и туши.

— Жду не дождусь того утра, когда тебя тут не встречу, — заметил Альсада, проходя мимо.

— А я-то как его жду, инспектор.

— Если парни будут тянуть с твоими бумагами, дай знать. Я в курсе, что им нравится твое общество, но тебе давно пора домой. Особенно сегодня, когда в городе такое творится.

— Спасибо, инспектор. — Долорес не упускала ни единой возможности упомянуть его должность — безупречная смесь благоговения и добродушной насмешки.

— Эстратико! — крикнул он.

Из-за боковой двери высунулась белокурая голова. Помощник комиссара, к ужасу Альсады, успел снять пиджак, — *какая наглость!* — выставив на всеобщее обозрение рубашку на пуговицах и с коротким рукавом.

— Можете звать меня Орестес, сеньор. В конце концов, мы же с вами теперь в паре.

— Эстратико, пару я себе уже отыскал и, поверь мне на слово, менять не планирую. — Альсада огляделся. Ему

вдруг стало не по себе... *Как будто сегодня воскресенье.* — А где все? Их в город отправили?

— На усиление, — подтвердил Эстратико. — Армия и полиция, семьдесят пять тысяч человек. Беспрецедентные меры.

Да нет, прецедент уже был, только закончилось все скверно. В прошлый раз, когда военные вышли на улицы, количество жертв исчислялось тысячами.

— А нас, значит, оставили? — хмыкнул Альсада. — Я-то, понятно, уже не гожусь для таких подвигов, но ты! Не рановато ли в штабе отсиживаться на заре-то карьеры?

Эстратико натянуто улыбнулся.

Приятно иногда вывести подчиненного из равновесия. Но хорошенького понемножку.

— Ну ладно. Сегодня без переключки... Из морга новости есть?

— Пока нет, инспектор. Ничего, кроме того неопознанного трупа.

— Ключевое слово — «пока», — проворчал Альсада.

— Правда, тут пришла одна парочка и желает с вами поговорить.

— Со мной? — Альсада разочарованно уронил руки. — Они назвали мое имя? Уверен, что им нужен именно я?

— Лично вас они не упоминали. — *Вот это уже больше похоже на правду.* — Сказали только, что хотят поговорить с самым главным в участке. Сами понимаете... — Помощник комиссара демонстративно кашлянул. — Сейчас всего десять утра... а значит, самый главный — это вы.

— И что же им нужно? — спросил Альсада, оставив без внимания намек Эстратико на нарушение трудовой дисциплины комиссаром.

— Они не сказали. Я отвел их к вам в кабинет.

Он и так потерял сегодня немало времени, пока искал после морга, где припарковать свой заляпанный грязью «клио». Не то чтобы у него было много дел: без опознания трупа, токсикологической экспертизы и отчета о месте преступления оставалось только ждать, пока кто-нибудь заявит об исчезновении женщины со схожими приметам.

Инструкции на сегодня ясны. У комиссара это называлось «в порядке экономии усилий» — иначе говоря, все дела, кроме срочных, следовало отложить. Но даже будь у него время разбираться с этими посетителями, они все равно сумасшедшие — отправиться в полицию в такой день!

— Идем со мной, вместе с ними потолкуем.

— Доброе утро! — приветствовал Альсада посетителей с порога кабинета.

Пара что-то пробормотала в ответ.

В кабинете, устроенном в дальнем от входа углу, инспектор мог одновременно и разбираться с этими двумя незадачами, испортившими ему начало дня, и наблюдать за жизнью офиса: в большое окно, забранное желтоватым стеклом, все было видно, при том что закрытая дверь защищала его от грохота клавиатуры под пальцами молодых полицейских, от болтовни на темы, которые ни капли его не интересовали, и от грубых шуток. *Последняя милость от Галанте. А не то сидел бы среди секретарей, ей-богу.*

В углу кабинета на шатком круглом столике громоздились штабеля документов, ожидающих разбора. За ним обычно сидел кто-нибудь из младших сотрудников, которых по очереди приставляли к Альсаде. Впрочем, инспектор прекрасно понимал: молодых полицейских отправляют к нему вовсе не из любезности, их истин-

ная миссия отнюдь не в том, чтобы ему помочь, как уверял Галанте, а в том, чтобы докладывать о выходках непредсказуемого Альсады — желательно загодя. В этом смысле Эстратико был всего лишь очередным фаворитом комиссара. *Неужели он думает, что мне не совладать с его шестеркой?*

Из-за хаоса, воцарившегося в стране, стол инспектора совсем некстати оказался завален мерзотными делами, которые по идее не должны были туда попасть. Альсада искал эпитет поэлегантнее, что-нибудь латинское, но «мерзотный» был оптимальным. Мерзость. Иначе не скажешь, когда приходится тратить время на поиски логичного объяснения, как труп оказался в мусорном баке на задворках морга. Мерзость. В нормальной ситуации человеку из отдела краж ни за что не пришлось бы разбираться с неопознанным трупом. Но когда в этом округе в последний раз ситуация была нормальной? А в Буэнос-Айресе?

Альсада хотел повесить зонтик на вешалку, но замер.

— Это чей пиджак? — спросил он.

Ни один из штатских не проронил ни звука.

— Мой, — пробормотал Эстратико.

— Ну кто так вешает верхнюю одежду? Сам не видишь? — Альсада схватил серый пиджак. — Надо на плечики. Вот так. — Он показал, как нужно. — А то у тебя на нем горб появится.

— Понял вас.

Инспектор Альсада аккуратно обогнул свой стол, стараясь не задеть стену с давно уже лупящейся краской, уселся в кресло и потер руки:

— Что ж, приступим.

Он посмотрел на посетителей. Пара сидела неподвижно, точно отлитая из свинца, и в наступившей тишине шум настольного вентилятора казался даже приятным.

— Инспектор Альсада. А это помощник комиссара Эстратико. — Он кивнул на другой столик, за которым устроился молодой коллега. — Он будет мне помогать. Один из самых перспективных наших сотрудников, к вашему сведению.

Краем глаза он заметил, как Эстратико горделиво расправил плечи. *Купился, придурок, принял за чистую монету. Штатских — даже если они сами явились — для начала нужно успокоить.* Сколько раз Альсада видел, как люди приходят в полицию с горячим желанием помочь, а потом немеют, сидя в кресле перед дежурным, точно в какой-то миг, после того как им дружески кивнул охранник Басилио, наконец сообразили, куда попали. *Точно их змея жарарака ужалила.*

— Чем могу вам помочь?

Мужчина походил на инженера — существует такой типаж, независимо от профессии: очки в черепаховой оправе с мощными диоптриями, клетчатая рубашка, свитер, несмотря на жару, и бордовая бабочка, под цвет клетки на рубашке и свитере. Наряд его спутницы был подобран тон в тон: кремовый кардиган и бордовое платье в полоску. *Учительница.* Вдвоем они смотрелись идеально.

— Пропала моя сестра, — произнесла женщина. С места в карьер. Без предисловий. Без сорока наводящих вопросов. *Сразу к делу. А она мне нравится!* Теперь, когда она молчала, он видел: нижняя губа у нее дрожит.

Альсада полез в стол и, сдвинув в сторону флагу, достал бумагу и ручку. Как изменились времена. Еще двадцать лет назад подобное было бы немислимо — заявиться в отделение, потребовать встречи с главным и сообщить о пропаже человека! Тогда полиция и военные, ответственные за исчезновение людей, были в молчаливом сговоре на этот счет. *Нет, «немислимо» не то слово: безрассудно,*

опасно, губительно. И вот теперь перед ним сидит пара и рассказывает о пропаже сестры — открыто, без всякого страха. В том же самом здании, где располагалось так называемое Главное управление федеральной координации. Где исчезали люди. Горожане так его боялись, что обходили стороной весь квартал.

— Когда вы ее видели в последний раз? — *А как сложились бы наши жизни, сумей мы тоже подать жалобу? Попадись нам добросовестный полицейский, который задал бы правильный вопрос?* Альсада спохватился, не дрожит ли губа и у него.

— В эти выходные. Кажется, в субботу.

Не закатить глаза инспектору стоило огромного труда. Не хотелось задеть собеседницу. Отпугнуть ее. Но и говорить, что шанс отыскать ее сестру живой, скорее всего, упущен, тоже не хотелось. *В таком хаосе, да еще спустя пять дней...* Альсада поднял взгляд на офис за стеклом. *Неужели больше никому нельзя перепоручить это дело?* Помещение выглядело гнетуще: одинокая рождественская елка у входа, два полицейских за столами. *Констебли — рядовым такое не потянуть.*

Альсада старательно изображал интерес, но женщина явно что-то почувствовала и снова попыталась завладеть его вниманием:

— Но потом мы говорили по телефону.

— Когда?

— Вчера вечером.

Альсада поднял брови и выпустил ручку из пальцев.

— Сеньора, вы должны понимать, что ставите нас в весьма неловкое положение. Если ваша сестра действительно общалась с вами только вчера, то, в соответствии с нашей должностной инструкцией, мы пока не можем считать ее пропавшей без вести. Мы не можем...

— Я прекрасно понимаю, инспектор, — перебила женщина.

Альсада демонстративно посмотрел на часы:

— Еще и суток не прошло. А когда речь о совершеннолетних, мы должны выждать не менее двадцати четырех часов с тех пор, как человек в последний раз выходил на связь, и только потом...

— Но это в случае, если нет оснований полагать... — с нажимом произнесла женщина, перебив инспектора. *Опять.* — Что исчезновение было насильственным.

— Знаете, мы все же предпочитаем термин «непреднамеренное».

— Ну, разумеется. — *Разрешаете? Вот спасибо.* — Я подробно изучила вопрос.

— Я рад, сеньора. — Он покривил душой. — Тогда вам, должно быть, известно, что мы обычно рассматриваем исчезновение человека не как самостоятельный эпизод, а как составную часть более масштабного преступления. Как симптом более серьезной болезни, так сказать. Люди пропадают — преднамеренно или нет, — но у этого всегда, *всегда* есть причина. Наш обширный опыт показывает, что, если сосредоточиться на ней, вероятность успешных поисков повышается. Ведь как только мы ее уясним, то сможем вычислить маршрут вашей сестры и вернуть ее домой в кратчайшие сроки. Так почему же вы думаете, что ее исчезновение можно назвать...

— Непреднамеренным. — *Умница.* — Видите ли, вчера, когда мы с ней разговаривали, голос у нее был встревоженный.

— Не хочу показаться... Как бы точнее выразиться? *Да, как бы точнее выразиться, Хоакин?* Этого нам недостаточно.

Женщина опустила взгляд, сложила руки на коленях и словно бы напрягла память. Альсада воспользовался заминкой, чтобы повнимательнее ее рассмотреть. Легко было представить, какой она была лет пятнадцать назад — образцовая студентка, всегда в первом ряду, безупречная осанка, «отлично» по всем предметам. *К таким людям особенно тянет в тяжелые времена.* Так почему же она никак не может четко и последовательно изложить суть дела? Что-то тут не вязалось, но что, Альсада никак не мог понять.

— Расскажите нам о своей сестре, — мягко предложил он.

— Она замечательная.

— Я о другом. Давайте начнем с имени.

— Ее зовут Норма. Норма Элеонора Эчегарай.

Альсада заметил, как взгляд Эстратико тут же оторвался от блокнота.

— А вы, случайно, не из... — начал было инспектор.

Не из семейства самых богатых землевладельцев в стране?

— Вы все правильно поняли.

Черт. Значит, спихнуть все на Эстратико не выйдет — эти-то точно затребуют, чтобы ими занималось начальство.

— И нет, в том доме мы больше не живем, — поспешно добавила женщина. В тоне ее появилась холодность.

— Так он ведь уже давно пустует, разве нет? — спросил инспектор, поймав себя на том, что невольно подыгрывает собеседнице.

Она будто прочла его мысли:

— Простите. Привычка. Меня все об этом спрашивают. Так что вы просили... рассказать о сестре?

— Да. Итак, случилось ли с ней такое прежде? Может, она уже пропадала на пару дней, забыв сообщить, куда собирается?

Женщина покачала головой. Ее супругу весь этот разговор, по всей видимости, уже порядком наскучил, а еще было заметно, что он тоже хочет поучаствовать в беседе, хотя бы и с целью положить ей конец. *Так вот кто мне все расскажет.*

— Ни разу такого не было? — настойчиво переспросил Альсада. — То есть можно с уверенностью сказать, что такие исчезновения совсем не в ее стиле?

— Моя свояченица всегда была... — Супруг заерзал на стуле, и кожаная обивка под ним скрипнула. *Ну же, не томите.* — Сложным человеком.

— Сложным?! — возмущенно переспросила сеньора Эчегарай. — В каком смысле?

Муж прервал ее нетерпеливым жестом. Зрочки у Альсადы расширились. Позволь он себе такое в разговоре с Паулой, ему пришлось бы неделю спать в садовом шезлонге, а потом еще умолять, чтобы пустили обратно. А сеньора Эчегарай послушно умолкла.

— Сколько я ее знаю — а мы с женой сыграли свадьбу шесть лет назад, — Норма постоянно попадает в ситуации, когда ей требуется помощь. Не далее как в прошлом месяце нам пришлось выплачивать за нее залог, когда ее задержали с огромным запасом жидкого мыла — она, видите ли, захотела наполнить пеной фонтан на Пласа-Лолла-Мора! — Он хохотнул.

До этой секунды Альсада и представить себе не мог, что он способен улыбаться — не то что смеяться.

— Это было забавно. Она вообще забавная девчонка. Что тут поделать? Это же вовсе не значит, что она попала в беду.

— Факундо, прошу тебя.

Инженер вроде бы говорил дело. Но так, что в иной ситуации Альсада с удовольствием подыскал бы повод его ударить. А сейчас лишь спросил, обращаясь к сеньоре Эчегарай:

— А у вас нет ее фотографии?

— Есть, конечно. — Она проворно достала из кошелька маленький, не больше фото для паспорта, снимок. На нем Норма Эчегарай была запечатлена в мантии и четырехугольной шапочке. — Фото сделано два-три года назад, но она нисколько не изменилась, — пояснила женщина.

А выбор, между прочим, очень удачный. Пускай это и несправедливо, но полиция скорее отложит в сторону убийства, ограбления, изнасилования и драки ради поиска примерной выпускницы Университета Буэнос-Айреса, чем юной тусовщицы с миллионами на счете, и так было всегда. Синяя лента на плече: значит, девушка изучала экономику. Альсада наклонился над снимком.

Это она.

Та же безмятежность, словно на старых фотографиях, обработанных сепией. Откровенная, даже зазывная улыбка.

Неужели она?

Женщина в морге? Девушка на фото была точно такая же бледная, темноволосая и прекрасная. Но таких — пол-Буэнос-Айреса. *Сосредоточься, Хоакин, ты же профи.* У этой девушки совсем иная судьба. Исчезновение она наверняка подстроила, своими средствами, а они немаленькие, и объявится через пару дней без единой царапины. Чтобы потом хвастать перед гостями на вечеринках, к ужасу сестры.

Но не обольщается ли он? У Альсады вдруг закружилась голова.